

УДК 821.11(73)+821.161.3-3(045)

ПОСТЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОЗЕ ВИКТОРА КОЗЬКО И ДОНА ДЕЛИЛЛО

канд. филол. наук, доц. Л.В. ПЕРВУШИНА
(Минский государственный лингвистический университет)

Анализируются романы белорусского писателя Виктора Козько и американского писателя Дона Делилло. В романе Козько «Бунт невестребованного праха» («Бунт незапатрабаванага праху»), как и в романе Делилло «Преисподняя» отражено опасное воздействие современного технического и индустриального прогресса, который ведет к разрушению природы и экологическому кризису. В данных экспериментальных произведениях рассматриваются серьезные проблемы современного механизированного мира, анализируются наиболее значимые постчернобыльские реалии. Оба автора подчеркивают значение культурно-исторической памяти, ответственности за научные открытия и нравственных ценностей для того, чтобы человек мог выжить и сохранить жизнь на планете Земля. В романах созданы яркие образы, представлен богатый проблемно-тематический комплекс, используются символизм, библейские параллели и интертекстуальность. Авторы предупреждают человечество о грядущем апокалипсисе и представляют свои концепции обновленной жизни на Земле.

Введение. Современный этап развития общества характеризуется масштабностью и основательностью преобразований. Бурные темпы научно-технического развития затрагивают различные пласты существования людей и всей планеты Земля и приводят к глубоким переменам, которые будут продолжать активно влиять на ход истории в XXI веке. Выдающийся ученый В.И. Вернадский писал о том, что человечество, которое является частью биосферы, представляет собой сферу разума, ноосферу – «новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой» [1]. Вернадский связывал становление ноосферы «с высокими проявлениями культурной, этически обостренной мысли. В техногенной мощи человечества, общества будущего он видел созидующее, демократическое начало» [2, с. 100]. Но высокоразвитая сверхтехнологичная стадия развития современной цивилизации выявила «невиданные доселе грозные факты техногенных катастроф, рукотворных экологических бедствий, социальных потрясений локального и глобального масштабов, перед степенью опасности и возможными последствиями которых меркнут исторические картины великого оледенения на Земле, библейского мирового потопа и апокалипсиса» [3, с. 22]. Быстро развивающиеся технологии привели к ничем не сдерживаемому индустриальному прогрессу, при котором «невиданное по своим масштабам промышленное, в первую очередь химическое, загрязнение атмосферы, мирового океана, подземных и поверхностных вод суши поставили биосферу, цивилизацию на грань невиданной экологической катастрофы» [2, с. 99].

Проблемы развития цивилизации и науки, технического прогресса и возникшего экологического кризиса рассматривались известными учеными А. Швейцером, Ю. Хабермасом, М. Бубером, М.М. Бахтиным, Ф. Эбиером, А.А. Мейером, Д.П. Филатовым, Т. Адорно, Л. Марксом, Г. Снайдером, Л. Бьюэллом, У. Эко, Ж. Бодрийаром, Р. Нэшем и другими. Мыслители считают, что «дорога супериндустриального развития цивилизации уже давно стала дорогой медленной физической и духовной смерти..., а затем и его неминуемого вырождения» [2, с. 97]. Вызовы времени настоятельно требуют выхода из сложившейся ситуации как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Философия XX века разрабатывала концепции новой аксиологической ориентации, основанной на идеях понимания, диалога, сотрудничества, согласия. Среди них «различные варианты диалогической философии (М. Бубер, М.М. Бахтин, Ф. Эбиер, А.А. Мейер); противопоставление мира заботы и бытия-друг-с-другом (Л. Бинсвангер); построение этики товарищества по существованию (Р. Гардини), этики благоговения перед жизнью (А. Швейцер, Д.П. Филатов), экологической этики (О. Леопольд, Р. Атфильд, П. Шепард), концепций коммуникативной рациональности и программ универсального примирения (Ю. Хабермас, К.-О. Апель), биоэтики (Д. Каллаген, Р. Уитч и др.)» [4, с. 7] и др. Данные теории способствуют выстраиванию новой системы мышления и формированию нового универсального сознания. Сегодня ученые возлагают большие надежды на общепланетарную концепцию этосферы, основные положения которой были разработаны еще А. Швейцером. Этосферу, считают теоретики, можно рассматривать как «более высокую, чем ноосферу стадию развития биосферы Земли, на которой этические принципы, и в частности важнейший из них «принцип благоговения перед жизнью», становятся основными регуляторами всех отношений людей друг с другом, с одной стороны, и человека, а вместе с ним и всего человечества – со всей живой природой, со всеми организмами Земли» [2, с. 103].

Эту же мысль проводит в своих трудах известный российский и белорусский ученый, доктор филологических наук, профессор А.А. Гугнин. Авторитетный ученый подчеркивает, что «человечество

пока все еще идет по принципу развития «живого вещества» – это принцип бесконечных проб эволюции: природа словно хочет перепробовать все мыслимые возможности, которые может представить достигнутый ярус эволюции» [5, с. 13]. В статье «О неизбежном единстве естественной и гуманитарной науки» (2011) А.А. Гугнин утверждает, что ноосфера – «не конечный, но всего лишь промежуточный пункт в истории человечества. Это переходное состояние с бесконечными пробами конфликтов, вырастающих на почве примитивных инстинктов и сугубо прагматических интересов, не может продолжаться бесконечно долго. Видимо, ноосфера рано или поздно, достигнет нового яруса эволюции, перейдет в какое-то иное качество» [5, с. 13]. Подчеркивая важнейшую мысль о единстве науки, о влиянии науки и научной мысли на природу в целом и всю духовную структуру человечества в частности, А.А. Гугнин пишет о необходимости ответственности людей за свои достижения, так как «ученый делает свои открытия со всех сторон окруженный обыденным сознанием – стереотипами бытового сознания и стереотипами научного сознания – да и сам далеко не всегда и не сразу освобождается от давления «авторитетных стереотипов» [6, с. 18], с которыми ему приходится бороться. Так, в деятельности человека, в его отношении к окружающей природе, которую он беспощадно эксплуатирует, должен появиться моральный экологический императив. Ценностные критерии экологического императива будут определять новые направления развития мысли и запрещать «такие насильственные преобразования системы, которые могут вызвать цепь катастрофических последствий для человека» [4, с. 13]. Сильный моральный регулятор не позволит величайшим открытиям трансформироваться в скрытые или явные угрозы для жизни человечества.

В ряду многих техногенных аварий XX века, одной из наиболее страшных катастроф является Чернобыльская авария, которая «стала национальным бедствием белорусского, а также соседних российских и украинского народов, стала для человечества величайшей трагедией XX века. “Эта для нас другая вайна...”, – так оценивают ее потерпевшие жители» [3, с. 22–23]. Современный этап общественного развития, «к сожалению, не вселяет надежды на избавление человечества от войн как социального зла» [7, с. 7] и от разрушительного воздействия техногенной мощи цивилизации. Скорбный звон Чернобыльских колоколов скоро отметит 30-ю годовщину крупнейшей техногенной катастрофы в истории человечества, которая продемонстрировала межнациональный характер таких инцидентов, подчеркнула условность границ и еще раз подтвердила тот факт, что в условиях глобализации все страны подвержены влиянию как позитивно развивающихся мировых тенденций, так и негативных событий.

Слово «Чернобыль», обозначающее конкретную аварию, происшедшую 26 апреля 1986 года на четвертом энергоблоке реактора Чернобыльской АЭС, приобрело ряд символически окрашенных значений. В широком смысле слово «Чернобыль» используется для обозначения различных угрожающих жизни техногенных катастроф. Оно также стало идентифицироваться с духовным кризисом, исчерпанностью идей, внутренней опустошенностью современного человека. Трагедия Чернобыля превратилась в знамение, указывающее людям на их моральный долг перед близкими и перед всем человечеством за каждый свой поступок, каждое решение, каждое слово. Следовательно, Чернобыль стал символом ответственности людей перед будущими поколениями.

Основное содержание. Глубинные процессы, связанные со сложными взаимоотношениями человека и природы, находят отражение в современной литературе. В повествованиях показаны «последствия происходящих техногенных катастроф и выражается озабоченность все увеличивающейся пропастью между природой и цивилизацией» [8, с. 85]. Значимыми произведениями, которые посвящены теме Чернобыля, являются романы американских писателей Фредерика Пола «Чернобыль» (*Chernobyl: A Novel*, 1987) и Ирины Забытько «Грязные небеса» (*The Sky Unwashed*, 1997), а также роман немецкой писательницы Кристи Волф «Авария: горячие новости» (*Accident: A Day's News: A Novel*, 2000), хорошо известный в разных странах в английском переводе. Из белорусских писателей, исследующих тему Чернобыля, необходимо отметить В. Быкова, И. Шамякина, А. Адамовича, Т. Бондар, И. Пташникову, М. Метлицкого, А. Федоренко, В. Карамазова и других. Каждое произведение, затрагивающее острые проблемы экологии, является «воплощением определенного душевного состояния, «модусом сознания» [9, с. 198–199], порожденным озабоченностью за судьбы людей на планете Земля.

Важные проблемы современного мира представлены через осмысление постчернобыльских реалий в творчестве влиятельного белорусского писателя Виктора Козько (р. 1940) и всемирно известного американского писателя Дона Делилло (р. 1936). При всем различии художественных установок и эстетических программ этих писателей их имена могут стоять рядом в силу определенных факторов, среди которых:

- принадлежность данных авторов к определенному периоду развития культуры и литературы; актуальность и новизна их творчества;
- осмысление роли природы в жизни человека и особая острота поднимаемых проблем, связанных с современным экологическим кризисом;
- наличие в творчестве данных писателей природной составляющей и развитого природного хронотопа;
- отражение коллизий мира и трагического, апокалиптического, мироощущения через рефлексивное восприятие мира человеком;

- присутствие в произведениях данных авторов постчернобыльских реалий и мотивов, характерных для последних десятилетий XX – начала XXI века;

- создание экспериментальных, многогранных, многоуровневых произведений, включающих богатый проблемно-тематический комплекс и постановку сложных философских, этических и эстетических вопросов.

Виктор Козько – автор произведений «*Высакосны год*», «*Неруш*», «*Суд у Слабазде*», «*Аповесць пра беспрытульнае каханне*», «*Выратуй і памілуй нас, чорны бусел*». Роман «*Бунт невоastreбованнага праха*» («*Бунт незапатрабаванага праху*», (1999) содержит некоторые идеи, мотивы и проблемы, представленные в его предшествующих произведениях: мотив активизирующей совести, чувство вины и ответственности ребенка, тяжелая память о войне, идея побега от себя и мотив возвращения домой, а также жизнь после Чернобыля.

Роман «*Бунт невоastreбованнага праха*» является своеобразным подведением итогов XX века. В нем В. Козько раздвигает границы исследования внутреннего мира человека и затрагивает глубинные основы проблем бытия. Роман представляет собой масштабное, многоуровневое произведение, содержащее глубокие философские размышления автора, его сложную этическую концепцию, отдельные положения которой в романе часто приобретают форму «морального суда» [10, с. 729], и отчетливые идейно-эстетические установки писателя. Повествование включает интеллектуальную игру с читателями, установление многообразных интертекстуальных связей, библейские реминисценции, образы-архетипы. Ткань текста насыщена глубоким символизмом, метафорикой, четко очерченными выразительными характеристиками, мистическими, фантазмагорийными образами. В данном произведении прослеживается «тенденция создания романа нового типа, в котором зреет переход синкретизма в синтетизм, аналитики и дидактики в концептуальность и философичность» [10, с. 749]. Развитая система характеров, символизм, переключки реальных и вымышленных событий, сложные пространственно-временные связи открывают возможность для множественных интерпретаций романа критиками и широкой читательской аудиторией.

В проблемно-тематическом комплексе романа, характеризующемся богатством и разнообразием, тема Чернобыля приобретает особое значение. Эмоциональное потрясение, вызванное осмыслением последствий экологической катастрофы, приводит к трансформации сознания человека, появлению обостренного восприятия мира и особого видения глубинных основ бытия, что способствует более пристальному рассмотрению внутреннего мира человека. Узнавая правду о Чернобыле, люди постигают себя и узнают истинные причины возникновения этой и других техногенных трагедий. Поэтому Чернобыль становится важным компонентом повествования. Он активизирует «художественное исследование драмы человеческой души на переломе XX и XXI веков, когда одной из важнейших функций литературы является предупреждение и пророчество» [11, с. 4]. Чернобыль высвечивает все доброе и негативное, истинное и ложное, правдивое и лживое, реальное и виртуальное и является широким фоном для исследования внутреннего мира личности, настоящего и исторического прошлого. Козько, как и немецкая писательница К. Вольф в своем романе «Авария», «снова и снова совершает попытку отыскать причины возникновения этой трагедии в глубинах самой человеческой природы, решить сложные нравственные проблемы, показать, что экологическая авария таких масштабов могла превратиться в Апокалипсис, в Конец Света для всего населения Земли» [12, с. 64].

Автор использует «рамочную конструкцию», начиная и заканчивая роман образами, связанными с Чернобыльской катастрофой. В «Прологе» к роману, выполненном на высоком уровне философского обобщения, отмечено историческое время трагедии и ее воздействие на людей: «...і стогн, і плач, і паралітычныя канвульсіі, крывавага колеру дажджы, бясконцыя вываржэнні зямлі, як выкідышы, смурод брыдоты і пошасці чалавечай, што напоўніцу паспыталі ўсе зусім нядаўна, у красавіку, напрыканцы дваццатага стагоддзя. Якраз у вербную нядзелю перад Вялікаднем» [11, с. 10]. Апокалиптические мотивы представлены с помощью странных, вывернутых образов сознания, фантазмагорий, пугающих мистических зарисовок, перевернутой реальности: возникали странные звуковые галлюцинации, виделось оловянно-мертвое око сажалки, человек трансформировался в зверя, монстра, слышались плач и крик земли: «*Вось тады і застагналі сажалкавыя воды, заплакала зямля. Крык гэты не сціхаў ужо другія суткі. Стогнам, малітвай і плачам панёсся па зямлі, нібыта застагнала сама зямля. ...пабялела і ускіпела ў сажалцы вада. Паверхню яе ўслалі адначасова заспетыя імгненнем каханна і смерці жабы, якія ўсплылі дагары жыватамі. З шалёнага, нястрымнага каханна быў прыгатаваны вось такі супец, праўда, невядома для каго* [11, с. 27]. ...*Супец жа, кандзёр, варыцца ў сусветным планетарным катле. І кацёл той сёння ўжо не просты, як гэта было раней, чыгунны ці медны – атамны*» [11, с. 29]. Автор подчеркивает масштабы катастрофы, указывая на ее всемирное, планетарное значение и глобальный характер: «*І нішто з тых, хто трапіў туды... не вольны выскачыць з таго вару, атамнага ўласнага кацельчыка*». Чернобыль изменил жизнь людей и физически и духовно, а для будущих поколений начался отсчет нового времени.

Важная реальность катастрофичности, апокалиптичности этого мира вводится в повествование с первых страниц романа. Чернобыль неожиданно врывается в жизнь людей. Известно, что внезапность и ужасающая масштабность развертывания катастроф «поражают человеческое воображение, вызывают сильнейшие стрессовые реакции со всеми вытекающими для таких ситуаций негативными последствиями» [13, с. 38]. Техногенные катастрофы влияют на восприятие жизни, психические реакции, жизнедеятельность, мировоззрение субъекта и полностью «перечеркивают сформировавшиеся и актуальные жизнен-

ные замыслы человека и предполагают трансформацию внутреннего мира самой личности, ее смысла жизни, программ жизнедеятельности» [3, с. 26–27]. Чернобыль наполнил внутренний мир человека *негативно окрашенными эмоциями, волнением, тревожными ожиданиями возможных будущих изменений в жизни.*

Важной постчернобыльской реалией является *ломка привычного уклада жизни, разрыв всех нитей прежней жизни.* Как и война, которая «угрожает ... разрушить синонимичный ряд настоящих человеческих ценностей» [14, с. 54], Чернобыль вызвал трансформацию общества, в результате которой были разорваны связи между людьми, расширилась пропасть между поколениями, исчезла гармония между окружающим миром и жизнью человека, причем были затронуты «и те привычные реалии мира, которые ранее представлялись незыблемыми» [14, с. 54]. С реалией разрушения привычной жизни связано и *глубокое отчуждение человека от Матери-Земли,* исчезновение жизненно необходимой связи с родной землей. Человек теряет духовную близость с Природой, перестает чувствовать ее ритмы и биение ее сердца, видеть ее богатые дары. Известно, что «В. Козько как никто в белорусской и европейской традиции отразил потерю единства человека и мира, потерю первородного чувства, которое позволяло ощущать себя частью природы» [15, с. 321]. Так, писатель указывает, что в результате Чернобыля привычные и дорогие человеку реалии становятся чужими и вредоносными, даже хлеб становится опасным: *«нібыта ён ака-заўся з асцюкамі і мякінай, чартапалохам і чарнобылем. З душком, і вялікім, быў хлеб яго сталасці. Атручаны ён быў. Атрутны быў нават сам пах хлеба»* [11, с. 11]. Чернобыль ассоциируется «с образами покалеченной покоренной природы» [16, с. 123], что символизирует исчерпанность культуры и потерю духовных сил человека: *«Блакітная музыка ветру хвалямі абмывала лістоту і бела-ружовыя свечкі конскіх каштанаў. А ён сярод гэтай прыгажосці ўжо адчуваў і бачыў тленне, налёт мярцвячыны»* [11, с. 11]. Из защитника природы человек превращается в ее врага, в ее губителя, а «обособленность души человека от природы становится причиной его моральной опустошенности, отсутствия гармонии в жизни, духовным эсхатологическим мотивом» [17, с. 128]. Душа человека теряет свое природное качество и способность к естественному развитию, она подчиняется жестким рационалистическим и до предела фомализованным технократическим идеям.

Реалия страха возникает в связи с отдалением человека от естественной природы, с созданием им особой зоны – новой, загадочной, нереальной, которую следует рассматривать как полигон для научных исследований. В результате аварии коренным образом изменилась жизнь природы: «Чернобыль неравномерно покрыл землю, вызвал необычайное воздействие на разные участки, смертность и разрушение определенных видов и ...пополнение в 3–3,5 раз количества и видового разнообразия наземных насекомых. В целом фаунистические комплексы пополнились рядом редких видов позвоночных животных, занесенных в Красную книгу Беларуси» [18, с. 140–141]. Ученые отмечают, что территория 30-километровой зоны отчуждения является «уникальной природной моделью изучения вторичных радиозоологических последствий для животного мира...» [18, с. 141]. Прежняя жизненная территория становится заповедником для проведения научного эксперимента.

Автор настойчиво проводит мысль о том, что именно человек завел общество в тупик и принес беды Земле, *«якая ўсё наперад бачыла, ала не здолела адужаць, стрэсці яго (монстра) са свайго цела, скінуць са свайёй плоці. Таму што плоць іх – чалавека, монстра і Зямлі – была адзінай»* [11, с. 10]. Человек потерял себя в этом мире, стал «улучшать цивилизацию», и забыл о том, что «человеческий и природный миры объединены некой мистической тайной, заключенной в вечных законах бытия» [19, с. 130], что он и его жизнь представляют «особый механизм регуляции круговорота веществ и потока энергии в биосфере и Вселенной» [2, с. 98]. Писатель размышляет о внутренней природе человека и обвиняет его в жестокости: *«вар'яты на планеце амаль усе. І яны толькі прыкідваюцца, што яны нармальныя людзі, прыкідваюцца такімі, якімі б хацелі быць. Напрыканцы ХХ стагоддзя кожны раптам зразумеў, што ён зусім нядаўна выйшаў з пячоры разам з сваім монстрам, які быў у ім, спаў у цемры ды смактаў чалавека»* [11, с. 13]. В романе проводится параллель между техническим прогрессом и доисторической дикостью современных людей, что перечеркивает идею развития цивилизации и ведет к разрушению и гибели общества. Известно, что сегодня «человечество потеряло веру в свою мессийность, и сейчас оно не только противопоставляет себя природе, даже объявляет ей войну» [15, с. 322].

В центре повествования находится жизнь Германна Гавриловича Говора, у которого много имен и прозвищ: Жорка-Юрка-Герка, который перекрестил себя в Германа, а затем стал Германном. При рождении же ему было дано имя Макрыян. Библейские аллюзии и реминисценции проявляются на уровне развития сюжета, при развитии системы образов и выявлении возраста главного героя. Так, до 33 трех лет Говор не подозревал, что живет на белом свете, до 35 лет он познавал себя, меняя имена, а в 35 лет его жизнь должна была приобрести смысл, чтобы рассеялся туман неопределенности его существования. Исследование внутреннего мира героя отражает общую тенденцию в литературном процессе конца XX – начала XXI века, связанную с выявлением коллизий времени через осмысление человеком его жизненных проблем. Известно, что «сегодня конфликты проявляют свою сущность преимущественно такими способами, когда постижение их возможно прежде всего через мир личности» [20, с. 231]. Через личное восприятие бытия жизни, самопознание и осмысление своего «я» выявляются проблемы общества, катастрофы и трагедии глобального масштаба.

Каждое имя героя выявляет его разные ипостаси и открывает определенную грань в его жизни, связанной с историей Беларуси и бывшего СССР. Идентичность Говора выявляется через осмысление им событий революции, Второй мировой войны, Холокоста, Чернобыля. Читатели «слышат» голос Левитана, объявляющего о начале войны, грохот пулеметов и винтовок в полях, видят жестокость фашистов и полицаяев, страдания мирных жителей. Затем действие переносится на Красную площадь и сопровождается размышлениями о жизни Сталина, Ленина, о революционных событиях и жестоких переворотах. Пространственно-временные связи романа исключительно сложные: с одной стороны, повествование движется ретроспективно, в противоположную сторону развитию событий (аналитическая композиция), а с другой – продолжается движение вперед, к логическому концу, в результате которого человек познает себя. Наблюдается еще одно направление развития повествования – концентрическими кругами, с возвращением к наиболее значимым идеям и эпизодам романа.

Все мысли и действия Германна заключают в себе философский смысл и содержат аксиологическую составляющую, поэтому и природа, и люди, которые его окружают, несут в себе идею нравственного становления личности или ее деградации. Проводя героя по лабиринтам истории, автор использует библейские реминисценции и мифологическую образность, причем мифологизм становится важным художественным приемом, раскрывающим идейную концепцию произведения, так как являясь знаковой системой всеобщего, «мифологическая система служит памятью и кодом социальной наследственности [21, с. 122].

Константная для романа *реалия памяти* приобретает особое значение. Известно, что и сегодня люди продолжают «*гвалтаваць сваю памяць*», они забывают о ней: «*і памяць, як пабіты сабака, закружыла на пражытых гадах і дзесяцігоддзях*» [11, с. 51]. Духовные поиски личности происходят через обогащение культурно-исторической памяти, изучение истории своего народа, своей страны. С реалией памяти переключается исключительно важный в творчестве В. Козько *мотив возвращения* – возвращения к себе, в свое детство, к земле, на родину, к добру и душевной чистоте. Поэтому «путь Германа Говора, который покинул родительский дом, духовно опустошился в “цивилизованном” обществе и вернулся к своим корням – аллегория пути всего белорусского народа: ему необходимо обрести себя через постижение своих истоков, истории, путем возвращения в прошлое» [22, с. 25]. С реалией памяти связана и *реалия боли*, которую причиняет человеку современное высокоразвитое индустриальное общество. С отсутствием же памяти связано убийство души, *реалия разрушения человеческой морали*, о чем говорят бурные события XX века, социальный и духовный распад цивилизации.

В «Эпilogue» В. Козько продолжает мысль о возможном апокалипсисе: «*Пажарамі, паводкамі, бясконцымі землятрусамі і іншымі стыхійнымі бедствамі і войнамі брала пачатак трэцяе тысячагоддзе, заканчалася дваццатае стагоддзе. Зямля жыла спрэс толькі адным пераадоўваннем наступстваў дня, які даўно ўжо спрах... Гарэла, бралася прахам бунтоўнае жыццё чалавека*» [11, с. 262]. В то же время люди возвращаются в Чернобыльские районы, начинают свою жизнь заново, возрождают поля, сады. И здесь писатель использует образ Сада, так как «сакрализация Родины приобретает исключительно точное воплощение в мифологеме САД, который с давних времен в христианстве, а затем и в классическом европейском искусстве являлся метафорой рая» [15, с. 322]. С образом Сада связана *реалия адаптации к постчернобыльской жизни*: за *Садом* необходимо ухаживать, досматривать его, несмотря на смертельно искаленную природу, так как образ Сада «служит своеобразным испытанием... природа словно измеряет уровень духовности или моральной деградации» [23, с. 43]. Поэтому люди, которых Чернобыль поделит на «чистых» и «нечистых», согласно распределению зон отчуждения, берут в руки косу и освобождают свой Сад, свою Родину, свой двор от грязи Чернобыля: «*Усе вакол у палыне. – То не палын. Чарнабыл. Усё зарасло. Чарнабыл. Чарнабыл вакол. ... Сячы гадаў, бі гадаў. Дзед будзе задаволены, пакасілі яму двор. Чарнабылу канец, канец*» [11, с. 236].

Символ невостробованного праха (очевидная интертекстуальная отсылка к образу мавзолея) является центральным в романе и связан с реалией человеческой памяти. Невостробованный прах – это забытые герои войны и их неизвестные захоронения, это невинные жертвы в братских могилах сибирского тракта длиной в 7 тысяч километров на стыке Европы и Азии, это люди, пострадавшие от аварии на Чернобыльской АЭС, это погибшие в тюрьмах, как и отец главного героя Германна, чей прах был где-то и кем-то захоронен и не востробован. По мнению автора романа, для монстров, разжигających войну и создающих катастрофы, люди – всего лишь ходячий невостробованный прах. Козько призывает помнить уроки истории, иначе будет разбужен прах, спрятанный глубоко в земле, и тогда возникает угроза следующего Чернобыля [11, с. 266].

Необходимо отметить еще одну *важнейшую реалию*, которую выявил Чернобыль: *беспримерный героизм, мужество, жертвенность и стойкость людей*, отдающих свои жизни ради спасения других. Примеры величайшей ответственности человека за свои действия и высочайших моральных требований, предъявляемых к себе и другим, привносят определенный оптимизм в повествование и вселяют уверенность, что, несмотря на все драматические и трагические события истории, человечество будет жить и совершенствовать себя через преодоление боли, осмысление своих страданий и потерь.

Дон Делилло – один из самых видных современных американских писателей конца XX – начала XXI века, автор 15 романов, затрагивающих острые проблемы развития современного технократического общества. Роман «*Преисподняя*», (*Underworld*, 1997), созданный в рамках эстетики постмодернизма, является своеобразным продолжением известного романа «*Белый шум*» (*White Noise*, 1984), который по-

тряс современный литературный мир обнажением проблем искусственной цивилизации, описанием «одурманенного сознания, реального и виртуального миров» [24, с. 201].

В романе «*Преисподняя*» представлена вымышленная «цивилизация отходов», поднимаются проблемы ядерной войны, разрушения окружающей среды и ее отравления. Роман масштабен, грандиозен, в нем показан яркий художественный образ «постиндустриальной цивилизации» и зафиксированы «сущностные черты сознания человека в сложной культурной ситуации конца XX века» [25, с. 32]. Окружающий мир воспринимается людьми как «полная пустота, неуправляемый хаос, в котором люди должны установить хоть какой-то порядок для сугубо личных нужд» [26, с. 306]. Интеллектуальный «квазиисторический роман», созданный Д. Делилло, «вместо миметического воспроизведения «объективной» действительности ставит задачу конструирования некоей новой художественной реальности» [27, с. 93]. Он характеризуется использованием «черного юмора», натуралистичностью, фантазмагоричностью, гротескностью и включает переплетение действительного и фиктивного, фантастического и иллюзорного, реального и виртуального.

Как и в романе К. Козько, в романе Д. Делилло «*Преисподняя*» Чернобыль является символом серьезных техногенных катастроф XX века, знаком опасности и беды, апокалиптичности атомного века. Автор не представляет деталей катастрофы, а использует образ этой и других аварий для создания особой атмосферы произведения, выявления деструктивного потенциала рационального современного общества, критики безразличия и равнодушия современных людей. Проблема человека и цивилизации представлена автором в абсурдистском контексте, а современные постчернобыльские реалии несут функцию предупреждения о трагических последствиях бездумного и бессмысленного вмешательства человека в природу.

В романе присутствует *реалия катастрофичности происходящего*. Как и В. Козько, Д. Делилло предваряет свой роман «Прологом» с ярким названием «Триумф смерти». Всемирно известная бейсбольная игра в США 3 октября 1951 года является расширенной метафорой великой непредсказуемой игры природы и космоса. Описание спортивного мероприятия сопровождается размышлениями героев об экологическом кризисе, опасности, которую несут в себе новые высокоразвитые технологии механистической цивилизации и атомная мощь: «*атомная бомба – это оружие, инструмент конфликтов в отличие от мирного использования атомной энергии, которая служит для обогрева помещений*» [28, с. 15]. Один из зрителей бейсбольной игры рассматривает книгу с известной картиной великого фламандского художника Питера Брейгеля «Триумф смерти», представляя свои комментарии относительно мрачных образов, несущих в себе боль, мучения, смерть. Данная краткая интермедийная вставка – вербальная репрезентация визуальных образов – устанавливает интертекстуальные переключки с многочисленными рукотворными катастрофами, которые принес с собой человек и создает лейтмотив возможного апокалипсиса в романе.

Известно, что жизнь Америки второй половины XX века была связана с мыслями об угрозе атомной бомбы, страхом людей перед всемирным разрушением и ядерной зимой. К Чернобылю, а также к атомному взрыву в Хиросиме, событиям во Вьетнаме, Карибскому кризису, ядерным испытаниям в Америке, России и других точках земного шара постоянно возвращаются воспоминания героев. Документальный материал, свидетельствующий о реальных исторических событиях, дополняет сюжет и создает атмосферу паранойи массового сознания, страха, ужаса, иррационального восприятия действительности, негативных тревожных чувств. Реконструкция и деконструкция реальных событий способствуют моделированию напряжения, ощущению скрытой угрозы деструктивного потенциала технического прогресса, воспроизведению эффекта приближающейся многомерной опасности. На фоне предчувствия атомного апокалипсиса выявляются многочисленные проблемы современного высокотехнологического американского общества.

Реалия разрушения окружающей среды лейтмотивом проходит через все произведение. Она представлена через жизнь всех персонажей романа, включая Ника Шея – бывшего учителя, который затем «посвятил» свою жизнь более доходной, но рутинной работе в фирме по захоронению мусора. Писатель создает страшную картину экологического кризиса, описывая нереальную, искусственно созданную жизнь американцев, которая сопровождается постоянной сортировкой мусора, накоплением отходов и их захоронением. Пародией на современную жизнь является занятие известной художницы Клары Сакс, которая занимается рисованием выброшенного людьми мусора, старых вещей, ненужной мебели. Смешным и абсурдным представляется стремление художницы совместить разрушительное воздействие технологического кризиса с искусством, реанимировать историю: так, она расписывает брошенные в жуткой пустыне военные самолеты, «*которые ранее были оснащены атомными зарядами и разносили их по всему миру*» [28, с. 69]. Сюрреалистически искаженной, изломанной предстает механизированная, бесчувственная жизнь в цивилизации отходов. Символом общества, его прогресса и мощи является огромная гора грязи, напоминающая египетскую пирамиду.

Реалия страха выявляется в отчуждении человека от природы, от самого себя. Общество больно, так как не находя радости в семье, многие люди большую часть времени проводят на работе, полностью уходя в бездушный мир машин, телефонов, гаджетов, компьютерных технологий. Преступность в обществе растет, насилие распространяется и проявляет себя во все более изощренных формах, поэтому иллюзия безопасности присутствует лишь в офисах, в кондиционерном «раю». Настоящие, искренние чувства теряют свою ценность, а негативные процессы насилия над природой сопровождаются появлением видоизмененного человека, «деградацией и распадом личности и абберацией человеческого сознания» [19, с. 204]. Реальное и вымышленное сочетаются в натуралистических сценах, что способствует созданию искаженных, нелепых, гротескных образов и усилению «черного юмора» произведения.

Автор возлагает ответственность за происходящие в обществе изменения на науку, на ученых, их нескончаемые бесчеловечные эксперименты, в результате которых исчезает реальность и рождается гиперреальность, виртуалистика. В специализированной лаборатории разрабатывается смертоносное атомное оружие, которое несет трагедию миллионам людей. Но ученые не задумываются о своих действиях, они видят лишь безобидные точки на экранах компьютеров при возникновении ядерных взрывов. Во имя развития науки проводятся опыты над людьми с применением радиоактивного облучения. Наука стоит на пороге раскрытия «одной из глубочайших тайн мироздания»: так, неосознанные эмоции и глубоко скрытые чувства людей скоро будут считываться техническими устройствами. Миллионы мирных людей становятся заложниками безжалостной, бессердечной и безрассудной технократической силы, использующей научные открытия в разрушительных военных целях или для манипулирования сознанием.

Делилло говорит о деградации человеческой личности, нивелировке ценностей общества и связывает их с проявлениями социального и духовного распада. Абсурд деятельности человека достигает таких масштабов, что человеческое сознание не может охватить смысл происходящего. В романе обнажается стремление западного общества к сенсационности, приобретательству, нежеланию нести ответственность за свои действия. Автор «предостерегает об утрате индивидуальности, своего «я» и превращения человеческой личности в децентрированного и фрагментированного субъекта, пытающегося преодолеть эту внутреннюю пустоту присоединением к тоталитарной секте или экстремистскому движению» [29, с. 12]. В романе также выявляется разрушительная роль человека во многих важных событиях, которые остаются в памяти, «запечатлевшей события сложного, бурного исторического периода второй половины XX века...» [30].

В «Эпilogue» под названием «Das Kapital» еще раз подчеркиваются особенности современной технократической реальности, в которой большое значение приобретают «инвестиции, глобальный рынок, корпоративные связи, поток информации в транснациональных СМИ, влияние денег в киберпространстве, правила потребительского рынка...» [28, с. 877]. Итогом развития такого супериндустриального общества является атомный апокалипсис. В киберпространстве, на экранах компьютеров происходит ядерный взрыв, а слово «Мир» («Peace») распространяется по всему миру и разрушает все страны и континенты. Возрождение жизни, по мнению автора, должно наступить после исчезновения бездушной цивилизации, заложником и послушным рабом которой стал человек.

Заключение. Сложившаяся к началу третьего тысячелетия ситуация тревожит умы людей, ибо бездумное и безудержное развитие научно-технического прогресса неизбежно ведет к экологической катастрофе. В современной прозе усиливается внимание к философско-этической и нравственно-экологической проблематике. Все чаще речь заходит о наступлении общецивилизационного кризиса, в котором виноват человек, с трудом приобретающий философский, экологический уровень мышления» [31, с. 18]. И Виктор Козько, и Дон Делилло представляют постчернобыльские реалии и стремятся предостеречь читателей об угрозе, нависшей над планетой Земля. Идеино-эстетическая концепция и этическая программа В. Козько связаны с установкой на стратегию выживания, на возрождение природы и человека даже в самых сложных условиях экологического кризиса. Делилло подвергает сомнению попытки людей изменить свою жизнь к лучшему с помощью бездуховных технологий покорения Земли и показывает неизбежность апокалипсиса, завершения цикла жизни, после чего возникнет новая эра развития человечества. Оба автора говорят о необходимости преодоления всемирного экологического кризиса и поиске путей, способствующих развитию современного общества и гармоничному сосуществованию природы и человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В.И. Несколько слов о ноосфере / В.И. Вернадский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // vernadsky.lib.ru/e-texts/.../noos.htm. – Дата доступа: 02.05.2014.
2. Симкин, Г.Н. Рождение этосферы / Г.Н. Симкин // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 95–103.
3. Баранов, Н.П. Экстремальные ситуации и безопасность жизнедеятельности / Н.П. Баранов // Вестн. МГЛУ, Сер 3. – 2005. – № 4. – С. 22–29.
4. Ненасильственные движения в философии ненасилия: состояние, трудности, перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 3–29.
5. Гугнин, А.А. О неизбежном единстве естественной и гуманитарной науки / А.А. Гугнин // Контексты мировой литературы: сб. науч. ст.: к 70-летию профессора А.А. Гугнина / Полоц. гос. ун-т; редкол.: Д.А. Кондаков (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2011. – С. 9–13.
6. Гугнин, А.А. «Магическое» литературоведение А.В. Михайлова и некоторые идеи В.И. Вернадского: попытка приближения к проблеме / А.А. Гугнин // Романо-германская филология в контексте науки и культуры: междунар. сб. науч. ст. / Полоц. гос. ун-т; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2013. – С. 3–17.
7. Чмыхун, И.Н. Философские проблемы военной теории и практики. Нетрадиционная война в современном социально-философском дискурсе / И.Н. Чмыхун. – Минск: ВА Респ. Беларусь, 2013. – 55 с.
8. Первушина, Л.В. Тема Чернобыля в англоязычной литературе / Л.В. Первушина // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 25–26 апр. 2012 г.: в 5 ч. Ч. 5. – Минск, 2013. – С. 85–88.

9. Цурганова, Е.А. Критика сознания / Е.А. Цурганова // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – С. 560.
10. Васючэнка, П.В. Віктар Казько / П.В. Васючэнка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. Т. 4, кн. першая 1966–1985. – Мінск, Беларус. навука. – 2002. с. 729–749.
11. Казько, В. Бунт незапатрабаванага праху / В. Казько. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 237 с.
12. Рымарчук, Н.А. Природа интертекстуальности в повести К. Вольф «Авария» / Н.А. Рымарчук // Вестн. Полоц. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 10. – С. 64–69.
13. Баранов, Н.П. Внезапность экстремалий как аналитическая проблема / Н.П. Баранов // Вестн. МГЛУ. – 2009. – № 8. – С. 38–45.
14. Васючэнка, П.В. Пошукі страчанага дзяцінства // П.В. Васючэнка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 80 с.
15. Штэйнер, І. «Толькі ў беларуса Радзімы няма»: Штрыхі да творчага партрэта Віктара Казько / І. Штэйнер // Дзеяслоў: Літаратурна-мастацкі часопіс. – 2010. – № 3(46), травень-чэрвень. – С. 315–328.
16. Прохар, М. Рэалізацыя эсхаталагічнага матыву ў вобразах жывой прыроды ў творах беларускіх і ўкраінскіх пісьменнікаў пра Чарнобыль / М. Прохар // Польша. – 2013. – № 9(1007). – С. 120–126.
17. Прохар, М. Эсхаталагічнае пераасэнсаванне літаратурных вобразаў у творах пра Чарнобыль беларускіх і ўкраінскіх аўтараў / М. Прохар // Польша. – 2012. – № 4(990). – С. 125–131.
18. Чарнобыль. Погляд праз дзесяцігоддзе: Даведнік. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1996. – 312 с.
19. Стеценко, Е.А. Экологическое сознание в современной американской литературе / Е.А. Стеценко. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 320 с.
20. Зверев, А.М. На острие иглы: из художественного опыта XX века / А.М. Зверев. – М.: Сов. писатель, 1989. – 416 с.
21. Петров, М.К. Миф и научно-техническая революция / М.К. Петров // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 120–124.
22. Крыклівец, А. Топас дарогі як увасабленне эвалюцыі або дэградацыі асобы ў прозе Віктара Казько і Віктара Астаф'ева / А. Крыклівец // Роднае слова. – 2011. – № 10(286). – С. 24–27.
23. Рагачэўская, М.С. Экалогія вачыма пісьменнікаў: Іан Мак'юэн, В. Казько, І. Пташнікаў / М.С. Рагачэўская // Матэрыялы ежгоднай науч. конф. прафесараў і аспірантаў ун-та, 25–26 апр. 2012 г.: в 5 ч. Ч. 5. – Мінск, 2013. – С. 85–88.
24. Стеценко, Е.А. Концепты хаоса и порядка в литературе США: от дихотомической к синергической картине мира / Е.А. Стеценко. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 264 с.
25. Прозоров, В.Г. «Белый шум» массовой культуры (Роман Д. Делилло «Белый шум» и постмодернистское сознание) / В.Г. Прозоров // Массовая культура США: материалы конф. – М.: МГУ, 2002. – С. 32–33.
26. Мулярчик, А.С. США: век двадцатый. Грани литературного процесса / А.С. Мулярчик. – Москва – Минск – Барановичи, 1994. – 344 с.
27. Прозоров, В.Г. «Квазиисторический» роман постмодернизма / В.Г. Прозоров // Отображение и интерпретация истории в культуре США: материалы XXXIV междунар. конф. – М.: МГУ, 2011. – С. 89–95.
28. Delillo, D. Underworld / D. Delillo. – N.Y.: Scribner, 1998. – 832 p.
29. Рачеева, Е.В. Поэтика виртуальности в романе Дона Делилло «Мао II»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Рачеева. – Нижний Новгород: НГУ, 2009. – 28 с.
30. Boyd, W. The Course of True Life / W. Boyd // The Observer, Sunday 1 November 1998. – Mode of Access: <http://www.theguardian.com/books/1998/nov/01/fiction.reviews>. – Date of Access: March 12, 2014.
31. Гниломедова, О.В. Человек и природа в американской и белорусской прозе XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Гниломедова. – Минск: БГУ, 2013. – 24 с.

Поступила 01.07.2014

POST-CHERNOBYL REALITIES IN THE PROSE BY VIKTAR KAZKO AND DON DELILLO

L. PERVUSHINA

*The article deals with the literary artistic experiment in the creative work of influential Belarusian writer, Viktor Kazko, and celebrated American writer, Don Delillo. The novel by V. Kazko *Revolt of Uncalled Dust* and the novel by D. Delillo *Underworld* reveal the dangerous effect of contemporary technological and industrial progress which leads to the destruction of nature and universal ecological crisis. In the experimental novels by Belarusian and American writers serious problems of contemporary mechanized world are considered and the most important post-Chernobyl realities are analyzed. It is stressed that Chernobyl has become an influential symbol of people's responsibility for future generations. Both V. Kazko and D. Delillo emphasize the significance of cultural and historical memory, man's responsibility for scientific discoveries, the importance of moral values for people in order to survive and to preserve life on the Planet. The novels are characterized by vivid images, symbolism, biblical parallels, diversity of problems and intertextuality. The writers warn humankind about possible universal apocalypse and present their concepts of a renewed life on Earth.*